

* * *

Пока смотрел на твои слова,
и те, что плыли в твоих глазах,
и те, что плыли уже в моих,
и те, что плыли в ветвях берёз,
пришёл октябрь и задул леса
у той реки, где струится дым
набухших почек и первых гроз
и грустно плавали три гнезда,

весною сорванных меж стволов.
«Они вороны», — утешил я.
Ты промолчала и отошла.
И долго-долго ещё в тот день
закат был ясен и одинок.

1969

* * *

Сегодня день невысказанный с утра —
влетает солнце с длинного разбега,
как факельное шествие по снегу,
разносит лес
дыхание костра.
И из глубин
огня и снега,
словно из миража,
выходит человек
и замирает,
совсем один,
до дерзости один.

Октябрь 1965

ЗАБЫТАЯ ПЕСНЯ

Моряна, моряна.
Забытая песня раскроет глаза
из сердца наружу,
над памятью встанет ущербной луною.
Пусть тысяча «против» тромбонных
падут на свирельное «за»,
уйду,
и сиреной
растянется время за мною.
Забытая песня,

я глупый,
я глажу твои лепестки,
в ромашках мелодий
и в мощных побегах симфоний,
неслышно ступая,
почти не дыша,
на носки,
я в собственном горле
ночами живу,
как печаль в саксофоне.

17.11.65

★ ★ ★

Вместо души у меня — изваянье
из плотного мрака, петушиного крика
и волчьего воя ночного.
Вместо судьбы у меня — одуванчик,
да божья коровка, ещё отраженье
в зеркале или заря на витрине.
Вместо лица у меня — ускользнувший огонь
светофора, а может быть, сфинкса улыбка
да тоненький выкрик кларнета.
Вместо тебя у меня — только плащ, сигарета
да спички, да низкие тучи,
да клин журавлиный над степью.
Вместо меня у меня — только я да огромная
осень в дождях и в дорогах,
только
огромная осень
в дождях
и в дорогах.

1969

Мир не скорбит об одиноких.
Им просто отцвести и кануть:
отдельный звук —
ещё не слово,
один оттенок —
не картина.

Но выпасть нотой из сонаты,
уйти значком из уравнения —
какое это беспокойство —
быть частью общего звучанья.
И я не выберу ни крохи
из вечного многообразья,
песчинки мыслей и событий
из глаза в глаз пересыпая,
и жизнь моя рекой песчинок
из взгляда взгляду перельётся,
из памяти в слова
и снова
слов отраженьем

в чью-то память.

Сгораю в пламени познания,
звучу в симфонии народов,
лишь одного боюсь в грядущем —
присниться дочке после смерти.
Встаю в поту.
Рассвет февральский
в окно всплывает новой песней.
Ах, мама,
ну зачем ты снова
сегодня ночью мне приснилась?

сорвали последнюю гроздь,
рассыпав весну
на мельчайшие краски и звуки.

18.3.66

* * *

Ну и к чёрту.
И голову сном не морочь —
в губы воздух морозный целуя,
для того и сбегают в осеннюю ночь,
чтоб в проулках орать «Аллилуйя».
И какое там —
робко, с носка на носок,
если,
словно обруганный свыше,
ветер яростно рвёт облака
и несёт,
и сгибает тела телевышек,
и в пустом вестибюле,
где сторож ворчит,
бородёнку прижав к батарее,
телефонная трубка в ответ закричит:
— Где ты долго?
Мне страшно.
Скорее.

10.10.66

* * *

Уходишь в апреле,
в закаты,
в дома,
во дворы
любить и страдать
и не верить в набухшие почки.

КОНЕЦ СВЕТА

Не напиши последнего стиха,
последних губ не оскверни молитвой,
и пусть безмолвье
обласкает бритвой
последний крик из горла петуха.
И, обратив к заре спокойный лик,
качнувшись над пустынею дороги,
умрёт последний высохший старик.
И грянет гром.
И захохочут боги.

31.1.67

НОКТЮРН

Когда раздеваются памятники
и спят на скамейках в скверах,
свои пиджаки и шинели
под головы подложив,
когда поперёк улиц
ложатся на спины клёны
и смотрят бездумно на звёзды,
а свет фонаря звенит,
как льдинка,
в бокале ночи,
я вижу опять, как скользят
под звёздами радиоволны
и тысячецветный блюз
вплывает в твоё окно,
и в воздухе машут крыльями
ночные странные звуки,
сидят, облепив карнизы,
и вновь ускользают
в ночь.

1962

* * *

Если высохнет море
и рыбы начнут умирать,
я схожу к колодцу
с большим зелёным ведром
и, в большом ведре
поселив морского конька,
позову тебя
улыбаться над ним
вдвоём.

1966

* * *

В огромном городе качаются мосты,
в огромном городе смущаются кусты,
в огромном городе глаза домов пусты
и звёзды полночи над городом чисты.

В ночную даль течёт из города вода
и вдаль из города уходят поезда,
искрясь, подмигивает городу звезда
и ночь над городом тиха, как никогда.

На тёмной площади чуть плещется фонтан,
на тёмной улице сирени сарафан,
цветы завернуты в хрустящий целлофан.
Все тихо —
ждут меня.

17.03.66

* * *

Когда в огромном гербовом конверте
мои стихи вернут в последний раз,
спрошу:

— Который поезд на Бессмертье?
Мне подешевле,
в третий, что ли, класс.

10.10.66